

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК (470.316);75.046

Е. А. Ермолин

Богохранимый град. Мифогенез в культуре Ярославля XVII века

Статья подготовлена по гранту РГНФ № 09-03-00724

Обретение сакральных реликвий в Ярославле начала XVII века стало для горожан свидетельством и залогом его богозащитности и богоизбранности.

Ключевые слова: миф, мифогенез, чудо, чудотворная икона, город, богохранимость и богоизбранность.

Е. А. Ermolin

The City Protected by God. Mythogenesis in the Culture of Yaroslavl in the XVII-th century

The city protected by God. Mythogenesis in Yaroslavl in the XVII century. Finding of the sacred relics in Yaroslavl at the beginning of the XVII century was for the citizens of the certificate and pledge of its God's protection and election.

Keywords: Myth, mythogenesis, miracle, the miraculous icon, the city, God's protection and election.

I

На протяжении тысячелетий миф в культуре рождался там, где встречались профанное и сакральное. Миф – это точка встречи, место, где особенно остро переживается, осознается, а затем и излагается невероятный и очевидный факт теофании, богоприсутствия. Небывалость, почти невозможность – и вместе явность и простая правда этого события и со-бытия создают эффект ментального сдвига, потрясают недра души, и это экстраординарное, кульминационное в жизни человека переживание чуда становится генератором творческой энергии, источником вдохновения, которые реализуются и увенчиваются в связном и осмысленном переложении и истолковании пережитого впечатления. Так рождается фиксирующий пережитое текст и вызревает в нем новый культурный миф, почти немедленно осваивая/выстраивая новые смысловые горизонты личного и социального праксиса и знания. Профанный мир отстраивается по новой логике – логике, заложенной в фундамент смысловой интерпретации нуминозного опыта.

Масштабы такого строительства могут быть разными. В рамках данной работы будет проанализирована ситуация мифогенеза (создания и

функционирования мифов) в Ярославле XVII века (преимущественно в первой его половине) в связи с историческими реалиями эпохи.

Совершенно очевидно, что в это время происходит ремифологизация города – новое приобщение его к сфере божественного и героического. Старые смыслы обновляются и радикально дополняются в свете новых фактов, каковыми прежде всего являются манифестации сакрума. Именно от них идет в сознании горожанина отсчет происходящего в его жизни. Наиболее очевидной, первичной реальностью оказываются встречи с чудом, каждая из которых влечет за собой шлейф переживаний и рефлексий.

Первичность и изначальность чуда в осмыслении потока бытия и в историческом творчестве едва ли вызывает сомнения в традиционалистски ориентированном религиозном сознании. Пределами такого сознания и уместно ограничиться в реконструкции культурной ткани эпохи, вынеся за скобки факторы посюсторонней детерминации процессов в жизни Ярославля XVII века. Хотя нет оснований сомневаться в том, что сама Смута, делегитимировав многие культурные мифы предшествовавшей эпохи, поставив под вопрос базисные ценности русской культуры, соз-

дала, однако, и новые возможности и предпосылки для нового самоопределения. В динамике Смуты есть нечто мобилизующее. Эпоха даже понуждала, заставляла искать новое обоснование для той реальности, которая возникала экстраординарно и беспрецедентно. Именно этим стимулирован всплеск мифотворчества в Ярославле XVII века. Бурная динамика социокультурных процессов в городе, резкий рост сил и возможностей, новая свобода и небывалые успехи и достижения на фоне почти катастрофических конвульсий российской истории XVII века – всему этому требовалось дать объяснение и оправдание [9].

II

Культурные мифы Ярославля в это время апеллируют к сакральной традиции. Драма истории, парадокс свободы получают истолкование и разъяснение в контексте извечной мистерии, трактующей взаимоотношения Бога и человека. И характер истолкования и разъяснения очень прочно связан с традицией.

Традиционен и сам жанр, в котором дается интерпретация чуду. Это сказания о местных иконах, их обретении и чудесах. Жанровая основа на древнерусской почве была заложена еще в XII веке сказанием о чудесах Владимирской иконы Пресвятой Богородицы. Но не совсем обычна и вполне показательна активность местных авторов таких сказаний в XVII–XVIII веках. А. А. Турилов упоминает о семи ярославских текстах: это сказания о Толгской иконе Богородицы, о явлении Казанской иконы в Тетюшах и о построении девичьего монастыря в Ярославле, о смоленской иконе ярославского Успенского собора, о смоленской иконе Смоленского монастыря, об иконе Спаса Обыденного, о построении Федоровской церкви и Хроника чудес от иконы Николы в Успенском соборе [7, с. 169. Библиографию работ, посвященных ярославским сказаниям об иконах, см.: 8]. К ним не без оснований добавляют родственные им жанрово и генетически два сказания о крестах: о кресте Господнем из Смоленского, что на Бору, монастыря; об установке в 1655 г. ростовским митрополитом Ионой Сысоевичем поклонного креста в селе Крест-Богородском в память о прекращении моровой язвы.

Отметим два момента.

Первое. Жанр сказания об иконах жестко ограничивал возможности произвольного истолкования и индивидуального развития темы соучастия Бога в делах человека. Сознание ярослав-

цев, замкнутое нормативной рамкой жанра, в XVII веке не нашло в себе ресурса для рывка к вербализации сугубо персонального опыта.

И второе. Место и значимость этих текстов в истории культуры Ярославля весьма различны. Основа культурного мифа Ярославля в XVII веке прежде всего связана, думается, с двумя сказаниями, которые запечатлели кризисно-судьбоносные события в истории города в начале столетия, в момент исторической кульминации городской жизни. Это сказания о Казанской иконе Богородицы [10] и об иконе Спаса Нерукотворного [11].

Первое из них повествует об авантюрно-непредсказуемых обстоятельствах обретения на фоне осады Ярославля тушинцами в 1608–1609 гг. иконы Казанской (Казанско-Ярославской) Богородицы, которая сразу чудесно проявила себя. Краткая редакция сказания была составлена жителем Ярославля и очевидцем событий, как предполагается, не позднее 1613 г. Историкам в сказании обычно интересен как раз фон: подробное и живое свидетельство осадных перипетий. Но подлинное зерно сказания – участие Богородицы в судьбах Ярославля, в избавлении от бед и напастей.

Традиционный для русской культуры мотив покрова Богородицы над царством приземляется на конкретную почву. Причем коллизия строится столь замысловато, что трудно было не увидеть здесь руку Провидения. Богородица непостижимо выбирает себе место, не сообразуясь ни с какими объяснениями, что, очевидно, и есть знак любовного избранничества.

Как известно, икона Ярославской-Казанской Богородицы была списком с чудотворного образа Казанской Богородицы, обретенного в Казани 8 июля 1579 г. Ее почитание на Ярославской земле, в Романове, началось в конце XVI века. Обстоятельства обретения иконы жителем города Романова Герасимом Трофимовым в 1588 г. изложены в Сказании о явлении иконы Пресвятой Богородицы в Тетюшах. Будучи по торговым делам в городке Тетюши, Герасим удостоился чудесного видения: Богородица не раз наставляла его и указала, в какой лавке он должен выкупить ее образ. Она повелела отнести икону в город Романов и там «под горою» построить храм во имя святыни. Причем Герасим первым испытал чудотворную силу образа: его больная рука исцелилась.

Продолжение истории было двадцать лет спустя. В конце 1608 – начале 1609 г. совершает свои походы на города Верхневолжья самый

энергичный вождь польской шляхты Александр Лисовский. В начале марта «литовские люди и русские воры» взяли и пожгли Романов, людей «посекли много и церкви Божии пограбили». Некий литвин-православный, «именем Яков, прозванием Любской», взял из церкви Николая Чудотворца икону Казанской Богоматери и привез ее в Ярославль. Как повествует сказание, многие его жители, узнав о принесении в Ярославль чудотворной иконы, пытались уговорить Любского продать святыню. Но, «по некоему откровению», литвин принес икону посадскому человеку, земскому старосте Ярославля Василию Лыткину и «выкупу под тот чудотворный образ» не взял, только попросил поставить икону в храм, а его имя занести в синодик.

В этом месте сказания давно подмечено расхождение с документальным источником: в патриаршей грамоте со слов ярославцев записано, что Лыткин «чудотворный образ у того литвина выкупил». По А. А. Турилову, государевой гостиницей сотни гость и земский староста Лыткин – главное действующее лицо сказания: «...берегучи град от разорения и мирских людей жалеючи, свои многие животы за мир истощил...». Лыткин дан в повести в образе страдальца за город, и подвиг его не остался без награды: именно ему, в обход архимандрита Спасского монастыря, приносит захваченный в Романове образ поручик Стравинского полка Яков Любский и дарит его безвозмездно. Действительность была прозаичнее: из грамоты патриарха Гермогена от 28 июня 1610 г. узнаем, что Лыткин оказался единственным, кто был в состоянии уплатить выкуп «литвину греческой веры» Любскому [7, с. 173]. Василий Лыткин – едва ли не самая яркая личность на посаде в начале XVII века. Он принадлежал к крупнейшему в Ярославле купеческому роду; позднее пожертвовал крупные суммы на содержание ополчения Минина и Пожарского.

Василий Лыткин с братьями Стефаном и Георгием (Третьяком) поставили икону Казанской Богоматери в церковь Похвалы Богородицы «во своем приходе, зовомом Димитриевским, на посаде, в Занетече. И стоял чудотворный образ Пречистыя в той церкви шесть недель, до приходу литовских людей под Ярославль». Однако в итоге не там ему нашлось место. Когда нападавшие взяли Большой острог, священники ночью перенесли икону «от разорения ратных» в Малый острог, в церковь Рождества Христова, что на берегу Волги.

Осада Ярославля тушинцами длилась с 30 апреля до 22 мая. Но в итоге враги ушли несолоно хлебавши, «со стыдом оставили Ярославль». В разгар этих событий, как фиксируется в патриаршей грамоте 1610 г., диакону ярославской Воздвиженской церкви Елеазару случилось видение: Богоматерь дважды явилась ему и повелела, чтобы «служилые всякие люди и посацкие храм воздвигнули» во имя чудотворной иконы. Икона, появившаяся в Ярославле, сама выбрала себе маршрут пути и точку остановки. Этот дар Богоматери становится знаком ее особого внимания, заступничества и покровительства городу и горожанам.

Характерно строится продолжение этой истории. Романовцы, не смирившиеся с утратой чудотворного образа, хотели его вернуть и даже получили о том государев указ царя Василия Шуйского. Ярославцам пришлось подчиниться. Но Богоматерь решила иначе. 9 июня 1610 г., когда всех ярославских «монастырей игумены и соборные попы и диаконы и дворяне и дети боярские и посадские всякие жители с женами и детьми и ратные люди» пошли «со кресты» в Казанский монастырь совершить молебен, от чудотворного образа получила исцеление старица Анисья, а на следующий день – посадский человек Константин Иванов, бывший долгое время в иступлении ума. Эти исцеления придали ярославцам смелости. Они «имели дерзновение» обратиться к царю с просьбой о том, чтобы икона была оставлена в городе. Царь с патриархом Гермогеном, изучив вопрос, распорядились иконе быть в Ярославле «неподвижно», а для Романова сделать список с надлежащим окладом.

Горожане выполнили волю Богоматери-заступницы. В 1610 г. для иконы Казанской Богоматери построили особый храм, в меньшем остроге у земляного вала с приступной стороны, близ небольшого болота. Вскоре при храме появилась женская обитель. Основание монастыря, как и обретение образа Ярославской-Казанской Богоматери, положившее начало обители, сопровождалось «особенными благодатными знаменаниями». А романовцам в 1611 г. передали список с Казанской иконы. (Кроме того, ежегодно образ Богоматери с крестным ходом переносили из Ярославля в Романов.)

Икона Казанской Богоматери в событиях Смуты играет решающую роль и в масштабе Руси. Разнообразны перипетии с разными ее списками, но существенно, что именно Казанская икона участвует в самых судьбоносных событиях эпо-

хи. Не случайно она стала семейной иконой Романовых. В Ярославле, во время сбора ополчения под руководством князя Дмитрия Пожарского и посадского старосты Козьмы Минина в 1612 г., как следует полагать, оказался и еще один список Казанской иконы (или даже ее прибывший из Казани через Москву оригинал). Казанская икона стала главной иконой ополчения Минина и Пожарского, Богоматерь взяла ополчение под свой покров.

Иногда можно понять дело так, что ярославский список при этом поменяли на казанский оригинал, отправив первый в Казань, а с последним ополчение двинулось на Москву, – либо в Казань все же был отправлен оригинал или другой список, а может быть, туда и вовсе ничего не отправляли, но ярославская икона осталась на месте и уже покидала город, выбранный и облюбованный ею, только ради крестных ходов, пока не исчезла бесследно в 1930-х гг.

Участие Богоматери в событиях эпохи удостоверено с полной очевидностью. Что же касается Ярославля и ярославцев, то для них также очень значимым стало обретение еще одной святыни, которая засвидетельствовала уже факт покровительства городу непосредственно Бога. В 1612 г., как известно, Ярославль, где собиралось ополчение, на несколько месяцев (с апреля по июль) стал столицей Руси. В тот момент здесь разразилась эпидемия моровой язвы. Сказание об иконе Спаса Нерукотворного (Обыденного) содержит рассказ о чуде спасения города и ополчения от поразившей город эпидемии чумы. Жители города, находясь в «недоумении» по поводу массовых смертей от «язвы», в мае 1612 г. обратились к соборному протопопу Илье, который решил прибегнуть к помощи прославленной ярославской святыни – иконы Толгской Богоматери – и собрать людей на «особенный» крестный ход.

Однако здесь снова происходит вмешательство вышних сил. В канун крестного хода 23 мая 1612 г. протопопу Илье дважды случилось «сонное видение», в котором Иисус Христос повелевал ему взять в крестный ход икону Спаса Нерукотворного, находившуюся в ветхой часовне близ церкви Афанасия и Кирилла [12].

Утром участники крестного хода взяли из часовни образ, и уже немного времени спустя, когда священная процессия поравнялась с Ильинским храмом, произошло первое чудо исцеления: икону пронесли над нищим слепцом, просившим «милостыню от христоролюбивых подателей», – и он прозрел. Второе чудо от иконы Нерукотворно-

го Спаса произошло в этот же день: по совершении крестного хода шествие направилось в Успенский собор, но, когда оно поравнялось с часовней, «тайная сила остановила несших чудный образ; никак не могли они двинуться с места». Восприняв произошедшее как знамение («ибо возлюбил Господь это место»), горожане построили около часовни на Ильине улице обыденную церковь во имя иконы Спаса Нерукотворного (несколько лет спустя здесь появляется или возрождается Афанасьевский монастырь). По преданию, во вновь построенной по благословению митрополита Ростовского Кирилла Спасской церкви перед чудотворной иконой Спаса молились Минин и Пожарский. После этого эпидемия сошла на нет. Икона Спаса спасла город от глетворных миазмов. Обретение иконы стало и предзнаменованием великих событий, нового собиранья и строительства Руси, свидетельством заступничества и покровительства городу Бога.

III

В начале XVII века происходит накопление сакральных реликвий и смыслов в пределах Ярославля. Сложился **триединый палладиум** богохранимого, богозащищенного града Ярославля – Толгская и Казанская иконы Богоматери, икона Спаса Нерукотворного [13]. Участие этих икон в судьбе города и горожан не могло не быть воспринято как знак милости и божественного покровительства Ярославлю и его жителям, знак особого избрания, того, что Бог не покидает город. (Трижды в XVII веке, к примеру, деревянный храм Спаса погибал в огне, но икона Спаса Нерукотворного пребывала от пожаров невредима и неоднократно помогала горожанам в спасении от бедствий – засухи 1613 г., «пожара велика» 1614 г., «морowego поветрия» 1654 г.).

Достижения и свершения горожан в XVII веке, весь склад мироощущения их имели опорой прочную веру в это избрание.

Примечания

1. Добрякова, О. И. «Сказание вкратце» о построении Казанского девичьего монастыря начала XVII века (к 400-летию основания Казанского монастыря) [Текст] / О. И. Добрякова // Ярославский календарь на 2009 г. / Яросл. обл. универс. науч. б-ка им. Н. А. Некрасова. – Ярославль : Александр Рутман, 2009. – С. 118–126. – Публ. : «Сказание вкратце о Новом Девичьем монастыре, что в Ярославле... и о чудотворном образе Пречистые Богородицы» / текст по публ. Ф. А. Бычкова (с. 120–123).

2. Лествицын, В. И. Другая редакция Сказания о Спасопробоинской церкви г. Ярославля [Текст] / В. И. Лествицын // Ярославские епархиальные ведомости. – 1874. – № 13. Ч. неоф. – С. 97–99.
3. Сказание вкратце о новом девичьем монастыре, что в Ярославле в остроге Большой Осыпи, и о чудотворном образе пречистые Богородицы. Список с Казанского [Текст] / Сказание... // Бычков Ф. А. Заметка о хронографе Феодора Петрова. – М., 1890. – С. 11–15.
4. Сказание об иконе Господа Бога нашего, Иисуса Христа, Нерукотворенного образа, называемого Обыденного, иже есть во граде Ярославле, на Ильине улице, близ монастыря Афанасия и Кирилла, патриархов александрийских [Текст] / Сказание... // Ярославские епархиальные ведомости. – 1874. – № 13. Ч. неоф. – С. 100–102.
5. Солодкин, Я. Г. Сказание вкратце о новом девичьем монастыре, что в Ярославле в остроге большой осыпи, и о чудотворном образе пречистыя Богородица [Текст] / Я. Г. Солодкин // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – Вып. 3: (XVII в.), ч. 3: П–С. – С. 383–385.
6. Турилов, А. А. Малоизвестные памятники ярославской литературы XIV – начала XVIII в. (Сказания о ярославских иконах) [Текст] / А. А. Турилов // Археографический ежегодник за 1974 год. – М., 1975. – С. 168–174.
7. Шабасова, О. И. Страницы «золотого века» Ярославля. «Сказание о явлениях и чудесах от иконы Толгской Богородицы» XVII века [Текст] / О. И. Шабасова // Ярославский архив: Историко-краеведческий сборник / сост. Е. Гушина, Ю. Салова. – М.; СПб.: Atheneum-Феникс, 1996. – С. 6–38.
8. Шабасова, О. И. Ярославские сказания о чудотворных иконах в историко-культурной традиции края (XVII – начало XVIII в.) [Текст] : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Шабасова Оксана Ильинична. – Ярославль, 1998. – 246 с.
9. Нуминозное и мифогенез в жизни Ярославля в XVII веке иногда становятся предметом внимания исследователей, но в рамках иной исследовательской логики. См., например: Добрякова, О. И., Полознев, Д. Ф. «Чудесное» в жизни русского горожанина XVII века (по материалам г. Ярославля) [Текст] / О. И. Добрякова, Д. Ф. Полознев // Чудесное и обыденное : сб. материалов научной конференции / Курский гос. ун-т. – Курск, 2003; Сукина, Л. Б. Вера в чудо и традиции обыденного благочестия в русской художественной культуре XVII века [Текст] / Л. Б. Сукина // Чудесное и обыденное : сб. материалов научной конференции / Курский гос. ун-т. – Курск, 2003.
- 10.
11. Сказание известно в краткой и пространной редакциях. Краткая : Сказание вкратце о новом девичьем монастыре, что в Ярославле в остроге большой осыпи, и о чудотворном образе пречистые Богородицы. Список с Казанского // Бычков Ф. А. Заметка о хронографе Феодора Петрова. – М., 1890. – С. 11–15. Пространная опубликована в книге: Ярославский Казанский женский монастырь. – Ярославль, 1864. – С. 55–80.
12. Сказание содержится в рукописных списках ЯГИАХМЗ. ОПИ. № 15016, 15680. Публ. : Сказание о иконе Господа Бога нашего, Иисуса Христа, Нерукотворенного образа, называемого Обыденного, иже есть во граде Ярославле, на Ильине улице, близ монастыря Афанасия и Кирилла, патриархов александрийских // ЯЕВ. 1874. № 13. Ч. неоф. С. 100–102.
13. Характерен этот снова и снова возникающий в ярославских сказаниях (и нечуждый христианской традиции в целом) мотив сомнения визионера в полученном знании, сомнения, требующего дополнительного подтверждения, второго явления Богоматери или Христа. Бог здесь исполняет свою миссию вопреки даже сомнениям и колебаниям тех, кого он избрал для служения. Двойное явление часто рифмуется с двойным исцелением больных и увечных сразу после того, как воля Бога оказывается понята и принята к исполнению.
14. К ним в течение XVII века добавятся Смоленские иконы Богоматери Смоленского монастыря на волжском левобережье и Успенского собора, список Федоровской иконы Богоматери, частица ризы Господней. Впоследствии, к XIX веку, свое особое значение сохраняют в почитании ярославцев Толгская икона Богоматери и икона Спаса.